

лингвистического опыта в сознании угадчика формируется степень убежденности по поводу того, какие лингвистические элементы встречаются чаще, а какие реже. Это состояние убежденности, а следовательно, и готовности к приему символов самого угадчика постоянно меняется по мере развертывания эксперимента. Сначала информант угадывает буквы текста, опираясь на свои знания букв, слогов, морфем и слов. Изменения состояния убежденности угадчика диктуется его лингвистическим опытом. Однако, отдавая одну-две фразы, а иногда всего лишь несколько слов, испытуемый начинает все чаще обращаться к своей собственной оценке тематики текста и своему жизненному и культурному опыту. Иными словами, эксперимент по угадыванию оценивает не только статистическую информацию текста, но также прагматическую информацию, связанную с индивидуальным восприятием этого текста угадчиком. Следовательно, метод угадывания может быть использован не только для информационно-измерений языка, но и для оценки индивидуальных особенностей человека, участвующего в эксперименте по угадыванию. Значение этой идеи для психологов трудно переоценить. Сюда относится предложенная автором мера степени владения языком, которой может служить сравнение оценок энтропии текста, получаемых от лиц, недостаточно владеющих языком, с оценками энтропии этого же текста, получаемых от носителей языка. Чем хуже владеет угадчик языком, на котором написан контрольный текст, тем выше количественные оценки энтропии и ниже избыточность этого текста для данного угадчика. На основе этих соображений был поставлен эксперимент в Ленинградском институте им. А. И. Герцена и в Минском институте иностранных языков. Сюда относятся также сопоставление величин энтропии или избыточности, получаемых при угадывании научно-делового (или вообще специального текста) специалистом в данной области знаний, с аналогичными ве-

личинами, получаемыми из эксперимента по угадыванию этого же текста неспециалистом, для оценки деловой квалификации³. Дальнейшее развитие этих идей (оценка степени трудности текстов и оценка способности принимать обоснованные решения о будущих событиях в условиях неопределенности) нашло свое отражение в последних работах автора и его сотрудников⁴.

Следует отметить, что тот прагматический «шум», от которого приходится абстрагироваться, чтобы приблизить результаты угадывания к идеальному предсказанию, здесь становится полезной информацией, отражающей индивидуальные особенности испытуемых. Это открывает новые возможности для объективной количественной оценки некоторых параметров таких субъективных (психических) процессов, как восприятие, память и мышление, для количественной оценки смыслового экспериментального материала, а также для оценки степени сформированности ряда навыков и умений.

В целом, книга Р. Г. Пиотровского, в которой разработана технология информационно-статистического измерения и описания лингвистического материала, представляет большой интерес для лингвистов, психологов, методистов и математиков. Эта работа представляет собой определенный вклад в методику исследования языка, речи и проблем коммуникации.

Г. П. Богуславская, П. Б. Невельский

³ Такой эксперимент проведен в Харьковском университете.

⁴ «Проблемы языкознания. Доклады и сообщения советских ученых на X Международном конгрессе лингвистов», М., 1967; «Материалы III Всесоюзного съезда Общества психологов СССР», I, М., 1968; «XVI International congress of applied psychology», Amsterdam, 1968; «Conference on Psychology of human learning», Prague, 1969; «Actes du X Congrès international des linguistes», Bucarest (в печати).

R. Lafont. La phrase occitane. Essai d'analyse systématique. — Presses Universitaires de France, 1967. 522 стр.

Заголовком своим — «Окситанская фраза. Опыт систематического анализа»¹ — книга Р. Лафона привлечет внимание ограниченного количества читателей — главным образом, романистов и, в част-

ности, синтаксистов. Однако своим содержанием работа значительно шире узкой, с традиционной точки зрения, задачи, сформулированной в заглавии. Прежде всего, это — исследование, выполненное в духе школы Гийома и, стало быть, представляющее особый взгляд на понятие системы в языке, на соотношение языка и речи и вытекающих из тезиса о дихотомии «язык — речь» положений. Иными слова-

¹ Термин «окситанская» (occitane) построен на основе слова *oc*, входящего в старое название провансальского языка *langue d'oc*.

ми, это — исследование, вызывающее большой интерес в общетеоретическом плане. Вместе с тем, рецензируемая работа является глубоким исследованием морфологии, морфосинтаксиса и синтаксиса одного из современных романских языков (провансальского); построенная на многолетних наблюдениях, диалектологических и структурно-типологических сопоставлениях, систематике конкретных языковых фактов, она ставит ряд вопросов типологии и классификации языков. Иными словами, это — исследование, вызывающее большой интерес в общероманском плане и в плане конкретного изучения отдельных языков. Наконец, книга Р. Лафона содержит основательный структурный анализ устной традиции языка, не имеющего в сущности письменной-литературной формы; с этой точки зрения работа Р. Лафона может быть отнесена к наиболее актуальным лингвистическим исследованиям, ибо во всех своих функциях язык до сих пор изучается по преимуществу в своей письменной форме, тогда как непосредственное общение людей происходит прежде всего в его устной форме.

По сути дела, заголовок, избранный Р. Лафоном, не является ни излишне скромным, ни неоправданно сужающим тему. В связи с особенностью материала (устная форма речи) и в соответствии с направлением («психосистематика», или психолингвистика), основной акцент в исследовании поставлен на механизме рождения речи, на самом оформлении речи. Момент перехода от языка к речи, актуализация, соединение актуализированных элементов во фразе — таковы композиционные стержни многоплановой работы Р. Лафона.

Кроме обширного теоретического «Введения», книга содержит две части — часть I «Синтагматическая актуализация» и часть II «Синтагматическое следование». Таким образом исчерпывается все, что может быть сказано об изучаемом языке, ибо наука о языке, по мнению Р. Лафона, должна слагаться из двух частей — изучения синтагмы и изучения фразы, в соответствии с двумя основными моментами перехода от языка к речи — моментом актуализации слов и моментом построения фразы. Итак, «Окситанская фраза» есть очерк теории языка, задуманный и выполненный в традициях структурализма гийомовского направления, развивающего прежде всего социологическую, вернее психолого-социологическую линию соссоровского учения и критикующего формализм других направлений структурализма, в качестве точки отправления использовавших все тот же «Курс общей лингвистики».

Представление о психолингвистике связывается обычно с именами американских языковедов, психологов и этнографов, собравшихся в 1953 г. в г. Блуминг-

тоне на Межуниверситетский исследовательский семинар, по материалам которого в следующем, 1954 г., была издана монография «Психолингвистика. Обзор теории вопроса и основных исследовательских проблем»², хотя первые работы Г. Гийома относятся еще к 20-м годам, а более поздние, так же как и работы его учеников и последователей, приходится на 40—60-е годы. Разработку своей теории Гийом начал с исследования по французскому глаголу³, в котором впервые получила свое развитие идея Ф. де Соссюра о системе языка. Это и дальнейшие исследования Гийома в области французского глагола стали своего рода классическими во французской грамматической литературе благодаря сочетанию абстрактной теории с конкретными наблюдениями языкового материала. В отличие от абстрактности логико-математических построений Ельмслева или американских структуралистов (Хомский, Харрис, Блок и Треджер), не имеющих достаточно solidных материальных оснований, абстракции Гийома и его порою умозрительные гипотезы сочетаются с систематическим исследованием конкретных фактов. Богатым материалом отличаются работы лингвистов, примыкающих к школе Гийома или использующих положения психосистематики: таковы исследования Р.-Л. Вагнера, Б. Потье, Г. Монье, Р. Валена, Ж. Галише и др., такова рецензируемая работа Р. Лафона.

Анализ конкретного материала служит в школе Гийома средством, позволяющим проникнуть в систему языка, не данную в непосредственном наблюдении, но скрытую в сознании и в то же время реально существующую в действительности, объективной и внешней по отношению к человеку. Система языка раскрывается таким образом двусторонне — в плане психологическом и в плане лингвистическом. Р. Лафон локализует язык и речь по отношению к самому процессу речевой деятельности: язык — это лингвистическая память, заключающая в себе для каждого индивида результат индивидуального коммуникативного опыта; опыт коммуникации каждого индивида (ребенка, овладевающего родным языком, иностранца, изучающего чужой язык) оставляет в мозгу семантический материал (лексемы) и морфо-синтаксические схемы, имеющие отличное от лексики и допол-

² См. например: О. С. А х м а н о в а, О психолингвистике, «Материалы к курсам языкознания», М., 1967; А. А. Л е о н тье в, Психолингвистика и проблема функциональных единиц речи, сб. «Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике», М., 1961, стр. 163—190.

³ G. G u i l l a u m e, Temps et verbe, Paris, 1929.

няющее ее значение. Речь ⁴ есть процесс функционирования лингвистической памяти, или меморизованного языка, в новых коммуникациях, где она (речь, discours) принимает форму слова (parole). Взаимодействие памяти — языка и речи — слова Р. Лафон представляет схемой (стр. 38):

память-язык —————→ речь-слово

Р. Лафон обращается к павловскому учению о двух сигнальных системах для отнесения языка к высшей нервной деятельности и для противопоставления языка высшей нервной деятельности (см. стр. 42 и сл.). Система взаимодействия памяти — языка и речи — слова функционирует благодаря существованию кода, который проявляется на уровне речи — слова в виде означающих и их признаков. Код зарегистрирован памятью, так что язык — это одновременно мысль и ее код. Применение языка есть использование кода для передачи мысли, а переход от языка к речи есть прежде всего кодирование. Кодирование и декодирование принадлежат высшей нервной деятельности, но связаны с материалом, внешним по отношению к ней: когда ребенок овладевает языком, который существует тысячелетия, он имеет дело с реальной действительностью, объективной и внешней по отношению к нему, как и к каждому индивиду. У языка есть своя история, он составляет одну из характеристик нации, он подчиняется своим законам, которые не являются законами высшей нервной деятельности. Отпечатки, полученные в коре головного мозга в результате коммуникаций, касаются не только означающих как таковых, но и структур языка, установленных в результате медленного развития языка в лингвистическом обществе, к которому каждый говорящий индивид добавляет что-то свое.

Роль высшей нервной деятельности, говорит Р. Лафон, состоит в интерпретации языкового материала, в ассоциации и диссоциации означающих (например, разложение синтагмы «лексема + морфема» на составные части при декодировании и сложение ее при кодировании), в выделении объективных структур. Система и системы в языке (по Гийому, язык не только система, но и система систем) оказываются реализацией системы, объективно существующей в сознании индиви-

да или, если говорить о языковом обществе, в коллективном подсознании ⁵, так что «лингвистическая структура полагается имманентно присущей реализованному языку, а систематическая структура раскрывается эксплицитно в употреблении ее элементов» ⁶.

Системы, существующие в лингвистиче-

ской памяти, являются системами означающих, а не означающих, и их изучение должно проходить в отвлечении от означающих и их признаков, т. е. как изучение означаемых. Только таким образом, т. е. путем изучения оппозиций означаемых, возможно определить языковые структуры, ибо анализ означающих вскрывает всего лишь внешнюю сторону языка. Внутренняя сторона языка раскрывается в отвлечении от означающих и их дифференциальных признаков.

Так автор приходит к определению метода отвлечения от признаков, который позволяет ему решить ряд важных задач. Во-первых, сам принцип отвлечения от признаков соответствует принципу двойного членения языка и противопоставлению фактов синтаксиса фактам фонетическим и морфологическим. Ни фонема, ни морфема как означающие не существуют вне означаемого, и рассматривать их только с точки зрения фонетической или грамматической значит отвлекаться от означаемого. Однако анализ междиалектных связей и связей между пограничными языками свидетельствует о том, что только при таком отвлечении, при нарушении связи между означающим и означаемым, возможно взаимное понимание.

Методика отвлечения от признаков, «снятия признаков» (*décharge des marques*) определяется Р. Лафоном на диалектном материале как пренебрежение означающими до того момента, когда взаимопонимание между представителями различных диалектов нарушается. Так рассматривается (см. стр. 15) серия означающих, соответствующих одному означаемому (3-е лицо ед. числа *passé défini* индикатива глагола *dire*: *dic, digèt, digè, dièt, disèc, dizèc, disèt, disè, disùt, disuc, diguc*). Приведенная серия анализируется фонетическим с точки зрения отраженных в ней фонетических изменений (эволюция интервокального *c, g*, конечной согласной), морфологическим — с точки зрения различной

⁴ Р. Лафон употребляет термин *discours* в соответствии с терминологией школы Гийома, где *discours* обозначает «ментальное (= данное) использование языка» (подробнее об этом см.: B. P o t t i e r, *Système des éléments de relation*, Paris, 1962, стр. 78), а термину *parole* отводится значение акта фации.

⁵ Рассматривая язык как внешне данное, принятое и зарегистрированное сознанием, Р. Лафон говорит о возможности сравнения в этом случае языка с коллективным подсознанием (или бессознанием, *inconscient*), по Юнгу.

⁶ См.: E. B e n v e n i s t e, *Problèmes de linguistique générale*, Paris, 1966, стр. 13.

диалектной основы форм (*dis* или *dic*). Синтаксист пренебрегает этой диалектной вариативностью, ибо она не влияет на означаемое, не изменяет его. Для синтаксического анализа важны отношения между формами, так как объектом синтаксиса являются сущности более важные, значительные и глубокие, нежели моменты, лежащие на поверхности и составляющие предмет фонетики и морфологии. В конечном итоге синтаксис приближается к семиотике, составной частью которой он должен быть назван (см. стр. 15 и сл.).

Кроме противопоставления синтаксиса фонетике и морфологии, проводимого на основе принципа «снятия признаков», и выделения роли синтаксиса в изучении языка вообще, автор устанавливает необходимость синтаксического (= семиотического) анализа для разграничения языков и групп языков. Структурная общность диалектов и языков устанавливается на основе инварианта означаемого, который может иметь разные означающие. Так, инвариант фраз франц. *le chien est noir*, оксит. *lo cano es negre*, итал. *il cane è nero*, кастилск. *el perro es negro*, каталанск. *el gos és negre* отличается от инвариантов англ. *the dog is black* и нем. *der Hund ist schwarz*, что позволяет противопоставить языки, объединяемые первым инвариантом, как языки одной лингвистической области (романская) языкам второго (английская) и третьего (немецкая) инвариантов, относящихся к двум другим лингвистическим областям. Изучение основных связей и отношений, проявляющихся во фразе и обеспечивающих общение и взаимопонимание, ведет к проникновению в глубинные структурные особенности языков, расширяя границы диалектных и языковых областей или даже отдельно взятого языка.

Как видим, Р. Лафон не ограничивается только провозглашением тезиса о необходимости изучения языковых систем как систем означаемых, но и разрабатывает методику их изучения. Запинаясь конкретным языком и представляя методику и теорию на конкретном материале, Р. Лафон идет дальше Л. Прието⁷ в разработке идей, связанных с исследованием плана означаемых. Оба автора подходят к теме с однородных в сущности позиций: они интересуются коммуникативным аспектом языка, изучение которого связано с проблемами кодирования и декодирования, с проблемами двойного членения языка и др. Но при анализе частных вопросов и общих проблем, Р. Лафон и Л. Прието расходятся, ибо первого привлекает механизм речевой деятельности, так сказать динамическая связь языка и речи, тогда как второй занят статическим аспектом взаимодействия языка

и речи. В результате, мы находим у Р. Лафона более полную картину внешней и внутренней структуры языка, он показывает новые возможности семиотики.

Итак, термин «система» употребляется в психосистематике для обозначения двух сторон одного явления: 1) в плане лингвистическом термин «система» относится к системам означающих, которые устанавливаются на основе непосредственных наблюдений; непосредственные наблюдения, по Гийому, должны признаваться первостепенными в научном анализе; 2) в плане лингво-психологическом термин «система» относится к системам означаемых, которые устанавливаются на основе соединения метода непосредственного наблюдения за «внешней» стороной языка с методом глубокого абстрактного размышления; этому последнему Гийом отводил важное место в аналитических исследованиях, подчеркивая все же его подчиненность непосредственному конкретному наблюдению⁸.

Но, кроме этого, термину «система» свойственно еще одно значение и употребление в работах школы Гийома, это — значение системы операций, посредством которых обеспечивается рождение речи, т. е. переход от языка к речи. Эта система операций (психологический и психолингвистический план) находит свое выражение в виде схем, где используются векторы и другие заимствованные из физики условные обозначения. Методика, позволяющая проникнуть в эту систему мыслительных операций, является, по определению Гийома и его последователей, методикой абстрактных теоретических размышлений, завершающим этапом в научном исследовании.

Как уже было отмечено, самым важным моментом речевой деятельности в психосистематике признается момент перехода от памяти — языка к речи — слову, т. е. момент кодирования, наложения процессов говорения и думания, звукового и синтаксического кода и мысли. Этот момент, называемый актуализацией (термин Ш. Балли), представляет собою операцию перенесения понятия из области, где оно виртуально, в область реального представления: «Актуализировать понятие значит отождествить его с реальным представлением говорящего субъекта. Так как понятие само по себе является чистым порождением ума, оно виртуально... неопределенно по объему...»⁹. «В результате актуализации

⁸ См., например, об этом: G. Guillelme, *Architectonique du temps dans les langues classiques*, Copenhague, 1945; R. Valin, *Esquisse d'une théorie des degrés de comparaison*, Québec, 1952.

⁹ Ш. Балли, *Общая лингвистика и вопросы французского языка*, М., 1955, стр. 87.

⁷ L. J. Prieto, *Principes de noologie*, Paris, 1964 (рец. Н. Д. Арутюновой: ВЯ, 1966, 3).

получается обратное соотношение между объемом и содержанием понятий; актуализированное понятие бывает определенным по объему и неопределенным по содержанию... Актуализация понятий заключается, таким образом, в претворении их в действительность¹⁰.

Понятие актуализации используется сейчас во французской грамматической литературе довольно широко и вне связи с психологическим ее аспектом. Р. Лафон, согласно традициям психосистематики, занимается не столько результатом актуализации, сколько самим процессом актуализации, используя при этом основные постулаты Гийома: 1) речевая деятельность предвзвешивается определенным количеством мыслительных операций; 2) всякая мыслительная операция, как бы коротка она ни была, требует времени для своего совершения; это время названо Гийомом оперативным временем¹¹.

Как известно, Гийом разрабатывал понятие актуализации на материале глагола, прежде всего французского. Вместе с тем, процесс реализации образа времени, названный Гийомом «хроногенезом», представлен также на материале классических языков¹² и в сравнительном анализе французской и английской временных систем¹³, различия между которыми показаны в плане частных проявлений «романской архитектуры» (французское время) и «германской архитектуры» (английское время). Прочие грамматические категории затрагиваются Гийомом в рамках общей его теории¹⁴.

Р. Лафон дает анализ всех классов слов (см. ч. I «Синтагматическая актуализация»), выделяя их в языке соответственно процессу актуализации. Таких классов в языке оказывается два — именной и глагольной. Они соответствуют, с одной стороны, существующим в сознании представлениям пространства и времени и, с другой стороны, тем признакам, морфематическим означаящим, с помощью которых осуществляется актуализация. Итак, имя и глагол выделяются в языке не лексически, но согласо-

но тому выбору, который происходит в момент актуализации. Выбор может быть только один — это или понятие (образ) времени, глагольная актуализация, называемая Р. Лафоном вслед за Гийомом «хроногенезом», или понятие пространства, именная актуализация, называемая Р. Лафоном новым термином — «топогенез». Многие лексемы совмещают в себе понятия и времени, и пространства, например, такие как *bâtir* «строить», *orage* «буря», *temps* «время» и др. Но актуализация этих понятий предполагает или локализацию их во времени (хроногенез), или локализацию в пространстве (топогенез); совмещение этих процессов невозможно, как невозможно совмещение взаимоисключающих формальных актуализаторов имени и глагола. Мы видим, что к очевидному положению о формальных противопоставлениях в языке имени и глагола Р. Лафон подводит читателя со стороны генезиса языка — речи.

Как всякое проявление высшей нервной деятельности, актуализация, т. е. кодирование мысли, использующее лексемы, морфемы, различные типы связи и служебные слова, вписывается в очень ограниченный отрезок времени, по длительности значительно более короткий, чем время «думающей» электронной машины. Однако в зависимости от степени актуализации оперативное время может быть различным. Так, лиминарная актуализация требует меньшего времени, чем законченная актуализация. Лиминарная актуализация отражает субъективное выражение образа времени или пространства, законченная же актуализация означает, что образы времени и пространства стали объективными, соответствующими реальной действительности. Вот как Р. Лафон показывает эти различия схематически (стр. 45) (см. ниже).

Возвратом к субъективности назван тот этап незаконченной актуализации, который соответствует образованию сослагательного наклонения или оформлению имени неопределенными морфемами.

Актуализация имени происходит (в провансальском языке) в роде и числе, актуализация глагола — в лице. Глагол не знает ни рода, ни числа (стр. 137), личные же, или именные его формы обладают релевантностью род — число, и транспозиция глаголов в существительные наиболее часта именно в личных формах. Неличные глагольные формы представляют собою, во выражению Р. Лафона, мост между глаголом и именем в архитектурном диптихе языка. С другой стороны, кроме этого «моста внеглагольности», существует «мост внемноминальности», это личные местоимения (под личными местоимениями подразумеваются *je* и *tu*, *nous* и *vous*, форма 3-го лица названа «не-лицо»). Эти морфемы не знают релевантности род — число; стало быть, категория личных местоимений, связан-

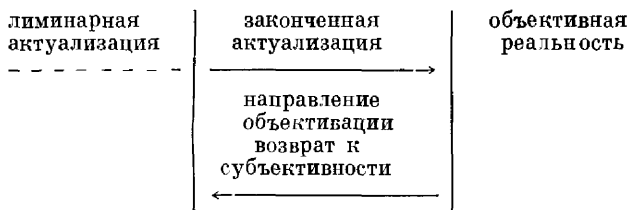
¹⁰ Там же, стр. 88.

¹¹ См. подробно: G. Guillaume, *Langage et science du langage*, Paris — Québec, 1964; R. Valin, *Petite introduction à la psychomécanique du langage*, Québec, 1955; его же, *Esquisse d'une théorie des degrés de comparaison*, Québec, 1952.

¹² G. Guillaume, *Architectonique du temps dans les langues classiques*.

¹³ G. Guillaume, *Le representation du temps dans la langue française*, «Français moderne», XVIII, 1950.

¹⁴ См., например, его заметки об артикле в журнале «Français moderne» за 1944 г., перепечатанные в сб. «Langage et science du langage».

ная происхождением с именем, а потерей релевантности рода — число — с глаголом, так же как самой релевантностью лица, — составляет внеоминальность. Вот как это показано на схеме на стр. 138 рецензируемой книги:

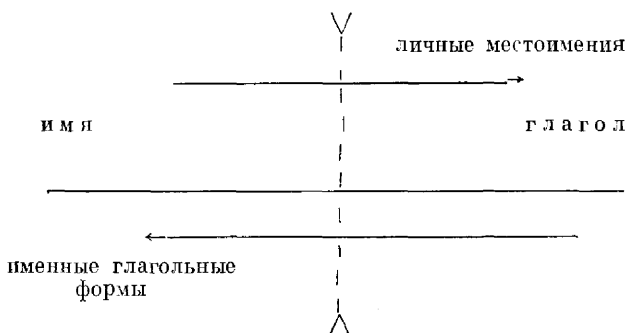

Схема представляет деление лексем на глагольные и именные; пунктиром обозначена граница релевантности лица и релевантности рода — числа. Зона внеглагольности занята открытым множеством лексем, которые реализуются в виде именных форм, являясь в то же время чисто глагольными (любой инфинитив транспонирует глагол в имя). Внеоминальность занята множеством морфем, следовательно, закрытым множеством. Транспозиция в провансальском языке осуществляется по направлению «глагол → имя», но не обратно; роль транспозиции «имя → глагол» выполняют глагольные суффиксы (*brun* → *brinir*, *brinesir*; *maissa* → *maissar* и т. д.).

Подчеркивая значение характеристики глагола в лице, Р. Лафон отмечает, что многие индоевропейские глаголы потеряли ее (английский, норвежский, в значительной степени французский). Провансальский в ходе своего исторического развития укрепил эту характеристику, так что использование при глаголе местоимения в пре- или постпозиции отличается в провансальском от употребления местоимений при глаголе в таких языках, как французский и некоторые другие: в провансальском «местоимение + глагол» или «глагол + местоимение» представляют собой синтагму.

Категория числа как категория, связанная с пространственными представлениями, свойственна только имени существительному: *cadieras* означает, что

предмет (стул) прибавлен один или несколько раз сам к себе. Такое соединение ($s + s' + s'' + s'''$ и т. д.) предполагает дискретность слагаемых, означаемое и есть дискретная действительность (*réalité discontinue*), следовательно, количественное, числовое представление логично для

существительного. Оно нелогично, несовместимо с природой прилагательного и глагола, так как прилагательное, например, *grand(a)* не связано с дискретной прерывной действительностью (невозможно представить себе соединение $A + A' + A'' + A'''$ и т. д.), следовательно, сама система числа противоречит концептуальному содержанию прилагательного; глагол отражает образ непрерывной действительности (время), куда не вписывается представление числа (см. стр. 65 и сл., 155 и сл.). То же относится к представлению рода; прилагательное получает форманты числа и рода при актуализации путем переноса признака существительного на прилагательное в согласовании.

Р. Лафон очень подробно показывает, в индоевропейском, романском и узко провансальском планах, решение задач, связанных с понятиями лиминарного и законченного топогенеза (интересно, например, изложение психолингвистических оснований оформления ед. и мн. числа у разных групп существительных и особенно у типа *liberta/libertas*, данное в рамках понятия оперативного времени; анализ, в диахронии и синхронии, релевантностей рода — падежа и разрушения падежной системы склонения в романских языках и др.). Проблемы, поднимаемые Р. Лафоном в связи с актуализацией глагола (личные и неличные глагольные формы, категории времени, наклонения и т. д.), решаются в полном соответствии

с разработанными Г. Гийомом положениями об оперативном времени хроногенеза, о законченном и незаконченном хроногенезе, о выражении гипотезы, интенсивности и т. д. Любопытно противопоставление и сопоставление хроногенеза и топогенеза, проводимое автором по отношению к реальной действительности: при топогенезе то, что принадлежит внешнему, по отношению к коммуникации, пространству, остается в этом внешнем пространстве; при хроногенезе такая экстерниоризация ведет к н е б ы т и ю. Прошедшее время — это то, чего уже нет, будущее — то, чего еще нет, и деление всех глагольных форм идет от такого деления на быть (*être*) и не быть (*non-être*) — прошедшее время объективно, ибо оно было, и во всех языках оно образуется от корня глагола; будущее время субъективно, виртуально, и во всех языках оно образуется с помощью суффиксов или перифрастически. Настоящее время, будучи суммой завершеного и незавершенного, — идеал, необходимый для разделения прошедшего и будущего.

нарастание интеллектуализации означающего
«ось последовательности»

отсутствие значимости	хронологическое означающее	логическое означающее	означающее предикация
1	2	3	4

В реальной действительности это — время, которое, не продолжаясь, тут же кончается, оно мгновенно; в процессе актуализации оно столь же мгновенно, ибо окончание оперативного времени актуализации есть начало оперативного времени фразы. Актуализация глагола в настоящем времени представляет собой явление, необходимое для проведения границы между прошедшим (законченная объективность) и будущим (виртуальность) и необходимое для глобального представления времени (стр. 190).

Менее оригинальной кажется вторая часть книги «Синтагматическое следование», посвященная анализу фразы. Она во многом напоминает «Систематику реляционных элементов» Б. Потье, хотя сделана в том же плане, что и первая часть, и «Введение». Означающее и означающее в применении к синтаксису (к фразе) рассматриваются как сообщение, содержание (= означающее) и оперативное время (= означающее). Время сообщения является концептуальным означающим. Еще раз подчеркивается мысль о том, что в функционировании любой лингвистической системы следует различать два вида оперативного времени: время актуализации синтагмы и время речи. Первое — чрезвычайно кратко и трудно измеримо; второе измеряется как сумма длительности означающих и интервалов между ними. Время фразы, время речи — действительно оперативное время, в котором последовательно располагают-

ся реализованные синтагмы — элементарные (именная или глагольная), сложные (актуализирующая синтагма + прилагательное + существительное), глагольная система экстенсивного или биакстенсивного вида, описанные с точки зрения их рождения (стр. 272 и сл.).

Определение фразы дается Лафоном в планах внутреннем, функциональном и формальном, как соединение синтагм, обеспечивающее общение; стремясь подчеркнуть значение способов связи, Р. Лафон дает и другое определение фразы: автономная сумма (итог) связей, обеспечивающих общение (стр. 35). Без связей не может быть фразы; основной тип связи — пауза, которая может быть изолирующей, разделяющей, означая границу между фразами, или соединяющей, внутренней, означая границы между синтагмами или предложениями. Этим типом связи характеризуются так называемые бессоюзные соединения, которых, по Лафону, четыре, соответственно нарастанию содержательной нагрузки фраз (стр. 272 и сл.).

Примеры, анализируемые Р. Лафоном в указанной последовательности, содержат бессоюзные соединения синтагм и простых предложений, смысловые отношения между которыми соответствуют первому, второму и т. д. типам отношений (например, первый тип: *Bondieu! Plou!*).

Ось реализации следований, составляющая фразу, оказывается означающей на четырех уровнях: на нулевом (неориентированное присоединение), на хронологическом (присоединение синтагм или предложений, связанных отношениями временного следования), на логическом (присоединение синтагм или предложений, связанных отношениями следствия, причины и проч.), на предикативном. Два крайних уровня отвечают соответственно простому соединению и синтаксической законченности (стр. 296).

В трактовке вопросов сочинения и подчинения Р. Лафон следует понятиям «измеряемого» и «позиционного» союзного соединения элементов, хорошо представленным у Б. Потье¹⁵. Измеряемое союзное соединение элементов, или сочинение, есть соединение разных или тождественных элементов, при котором в речи выражаются идеи множественности, например: 1) соединение разных элементов:

¹⁵ В. P o t t i e r, указ. соч., стр. 115—119.

Pierre et Paul «Пьер и Поль», *une table ou une chaise* «стол и стул»; 2) соединение тождественных элементов: *la table et la table* «стол и стол», что может быть представлено в виде *les deux tables* «два стола»; или *Pierre est grand et grand* «Пьер большой и большой», *Pierre est grand, grand* «Пьер большой, большой», *Pierre est très grand* «Пьер очень большой». Позиционное, или подчинительное соединение использует предлоги для выражения отношений между разными элементами и префиксы для выражения отношений между тождественными элементами, например, *couler de la montagne* «вытекать, течь из горы», *découler* «вытекать, „из-течь“». Структура окситанской фразы представлена Р. Лафоном на богатом материале, который анализируется автором как синхронно, на современном срезе, так и в диахронии. Р. Лафон постоянно прибегает к историческим сравнениям структуры синтагмы и структуры фразы, показывая эволюцию форм и их соединений в речи. При этом автор ищет объяснения структурным

изменениям в потребностях коммуникации. Именно коммуникация добавляет к диалектике лексики и морфосинтаксиса, говорит Р. Лафон, диалектику актуализации и синтагматической последовательности (стр. 490). Фраза, которая представляет собой высший уровень лингвистической единицы, органически соединяет в себе все возможности и ресурсы языка, она и содержит, и модифицирует то, что поставляет ей актуализация, ибо оперативное время фразы есть в то же время и оперативное время актуализации.

Таково вкратце содержание и основные идеи книги Р. Лафона. Лингвисты всех направлений найдут, несомненно, много интересного и полезного для себя в этом оригинальном, хорошо документированном исследовании, которое, как всякая общая теория языка, затрагивает, ставит и решает гораздо больше вопросов, чем это может отразить небольшая рецензия.

Л. М. Скрелина

G. Matoré. L'espace humain. L'expression de l'espace dans la vie, la pensée, et l'art contemporain. — Paris, La Colombe, 1962. 299 стр.

В современной лингвистической литературе большое место занимают работы, посвященные вопросам определения языкового (вербального) «покрытия» определенных отрезков, кусочков действительности, т. е. определения границ семантических (понятийных) полей. Одной из наиболее оригинальных работ, посвященных проблеме отражения в языке, в его лексике существующих в реальной действительности понятий и их взаимосвязей, является исследование Ж. Маторе, которое он озаглавил «Пространство и человек»¹. Хотя эта книга, появившаяся еще в 1962 г., не была, к сожалению, в свое время отмечена нашей лингвистической печатью, она не только представляет собой большой интерес, но и остается чрезвычайно актуальной, особенно в связи с тем вниманием, которое сейчас привлекают к себе проблемы социолингвистики.

Ж. Маторе, основные интересы которого лежат в области истории развития французской культуры, не впервые обращается к вопросам о связи культуры и языка². Не считая себя философом и черпая все, что относится к характерным тенденциям развития современной мыс-

ли из новейших философских работ, в основном, связанных с феноменологическим направлением, Ж. Маторе вынужден констатировать, что несмотря на постулируемую феноменологией необходимость обращения к конкретному, к тому, что является актуализацией мысли, т. е. к лингвистическому материалу, большинство философов не выходит за пределы сферы абстракций. Однако, указывает автор, философия выражения не может развиваться в сфере абстрактного, она должна основываться на изучении лингвистического материала, поскольку психические явления могут быть познаны лишь тогда, когда они актуализированы, т. е. вербализованы. Иными словами, в настоящее время необходима основанная на изучении лингвистических данных разработка теории выражения (*une théorie de l'expression*), которая всегда оставалась в тени за счет преобладающего развития теории значения (*une théorie de signification*).

Обосновывая выбор материала для исследования, Ж. Маторе исходит из того, что то пространство, которое дается нам в опыте, не является неким произвольным синтезом. Правда, понятие прост-

¹ См. также недавно выпущенную работу: A. Jacob, *Temps et langage*, Paris, 1968.

² См. G. Matoré, *Le vocabulaire et la société* sous Louis-Philippe, Droz,

1951; е г о ж е *La méthode en lexicologie*, Paris, 1953. Кроме того, в настоящее время он работает над «*Dictionnaire du français de base. Histoire du vocabulaire français*» (в соавторстве с Вартбургом)